

**Развитие и соединение божественного и дьявольского
начал в философском мировоззрении
Ф.М. Достоевского (на основе книги «Бесы»)¹**

**The Development and Connection of the Divine and the
Devil in the Philosophical Worldview of F.M. Dostoevsky
(On the Basis of the Book “the Possedesses”)**

Ли Тяньюнь

Независимый исследователь

e-mail: litianyun19920616@foxmail.com;

Li Tianyun

Free Researcher

e-mail: litianyun19920616@foxmail.com;

Кудрин С.К.

Аспирант направления «47.06.01 Философия, этика и религиоведение», Санкт-Петербургский государственный университет

e-mail: ward_93@mail.ru.

Kudrin S.K.

Postgraduate student of direction «47.06.01 Philosophy, ethics and religious studies», Saint Petersburg State University;

e-mail: ward_93@mail.ru.

Аннотация

Чтобы лучше понять антропологию Достоевского, мы должны сосредоточиться на двух персонажах его романа «Бесы» – Иване Шатове и Алексее Кириллове. Мы полагаем, что на Шатова повлияло славянофильство, вера в Бога русского народа и, тем самым, он является представителем божественного начала. Но на самом деле Шатов верил только в уникальность русской нации, но не в христианского Бога, так что он был представителем дьявольского начала. Насчет Кириллова, мы думаем, что он выбрал самоубийство, потому что потерял смысл жизни. Поэтому он является представителем дьявольского начала. Но на самом деле Кириллов выбрал самоубийство не из нигилизма, а для того чтобы осуществить великую миссию Иисуса Христа по спасению мира. Так что Кириллов не только представитель

¹ Исследование осуществляется при поддержке Государственного комитета КНР в рамках «Государственной программы для аспирантов, посылаемых государством на учебу в зарубежные престижные университеты».

дьявольского, но и божественного начал. Мы считаем, что главная черта антропологии Достоевского состоит в том, что в глубине любого сердца есть как божественное, так и дьявольское начала. Философское мировоззрение Достоевского оказало глубокое влияние на мысль Владимира Сергеевича Соловьева, а через его посредническую роль оно повлияло на всю русскую религиозную философию Серебряного века.

Ключевые слова: русская философия, Ф.М. Достоевский, «Бесы», божественное начало, дьявольское начало.

Abstract

To better understand Dostoevsky's anthropology, we must focus on two characters in his novel *The Possessed* – Ivan Shatov and Alexei Kirillov. We believe that Shatov was influenced by Slavophilism, the belief in God of the Russian people, and thus he is a representative of the divine beginning. But in fact, Shatov believed only in the uniqueness of the Russian nation, but not in the Christian God, so he was a representative of the diabolical beginning. About Kirillov, we think that he chose suicide because he lost the meaning of life. Therefore, he is a representative of the diabolical beginning. But in fact, Kirillov did not choose suicide out of nihilism, but in order to fulfill the great mission of Jesus Christ to save the world. So Kirillov is not only a representative of the diabolical, but also of the divine. We believe that the main feature of Dostoevsky's anthropology is that there are both divine and devilish beginnings in the depths of any heart. Dostoevsky's philosophical worldview had a profound influence on the thought of Vladimir Sergeevich Solovyov, and through his mediating role it influenced the entire Russian religious philosophy of the Silver Age.

Keywords: Russian philosophy, F. M. Dostoevsky, "The Possessed", divine beginning, devilish beginning.

Иван Павлович Шатов и Алексей Нилыч Кириллов как братья-близнецы – духовные ученики Николая Всеволодовича Ставрогина. Они посещают Соединенные Штаты Америки, чтобы прочувствовать на себе жизнь простого американского работяги. Для этого они сами участвуют в трудовом процессе. В конце концов, у них заканчиваются деньги и им приходится четыре месяца вместе спать на полу избы. В течение этого времени у них возникает ненависть друг к другу. Шатов говорит: «Я про Кириллова. Мы с ним там четыре месяца в избе на полу пролежали [1, с. 111]». Взаимная ненависть появляется именно потому, что они слишком похожи. Так, они видели недостатки один другого, поэтому неизбежно стали ненавидеть друг друга. Как говорил Лев Шестов, они похожи как Фёдор Михайлович Достоевский и Фридрих Ницше. Но, если бы у Достоевского и Ницше был шанс встретиться, вряд ли они бы стали хорошими друзьями [2].

1. Развитие божественного начала

У Ивана Шатова состоялся важный разговор с Николаем Ставрогиным. Шатов в этом диалоге задал Николаю Всеволодовичу целый ряд духовных вопросов. Он обвинял Ставрогина в расхождении слова и дела, в навязывании ему веры в славянофильство. Что касается Алексея Кириллова, то Иван винил Николая во внедрении в сознание Кириллова атеистических, нигилистических идей, которые причиняли тому большие душевные страдания. Но Ставрогин не был согласен с этими обвинениями, он сказал: «Повторяю, я вас, ни того, ни другого, не обманывал» [1, с. 197]. Славянофильские идеи, которые Ставрогин привил Шатову, и атеистические и нигилистические идеи, которые он внушил Кириллову,

являлись истинными, что показывало наличие у Ставрогина двух сторон мысли. В Ставрогине было и божественное и дьявольское начала. Он передал свое божественное – Шатову, а дьявольское начало – Кириллову. Но дьявольское начало в Шатове тоже имеет место быть, как и божественное начало в духе Кириллова, и ниже мы более подробно проанализируем это.

Шатов не ограничился одним обвинением против Ставрогина. Он перефразировал его отрывок, который, конечно, не представлял философского миропонимания Николая Всеволодовича, но был ближе к мировоззрению самого Шатова, ибо последний слепо верил в слова Ставрогина, говоря: «Но не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной?» [1, с. 198].

Затем Шатов снова начал говорить о своей теократической политической мысли. Он утверждал, что у каждого народа есть свой Бог. Чем сильнее личность народа, тем больше у него своей неповторимой формы Бога, и лишь со смертью народ теряет свою собственную божественную форму: «Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами» [1, с. 198-199]. Ставрогин с осторожностью заметил, что Шатов, по его мнению, принижал Бога до простого народа. Но Шатов не согласился с ним, возбужденно утверждая, что он не принизил Бога до народа, а возвел народ до Бога: «Напротив, народ возношу до бога. Да и было ли когда-нибудь иначе? Народ – это тело божие» [1, с. 199]. Таким образом, через Шатова Достоевский выражал свои философские взгляды.

Достоевский снова воплотил эту теократическую идею в Иване Карамазове в романе «Братья Карамазовы» [3]. Теократическая мысль Ивана подверглась резкой критике со стороны либерала Миусова, на что отец Паисий высказал возражение: «Не церковь обращается в государство, поймите это. То Рим и его мечта. То третье диаволово искушение! А, напротив, государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле, что совершенно уже противоположно и ультрамонтанству, и Риму, и вашему толкованию, и есть лишь великое предназначение православия на земле» [4, с. 62].

Из вышеприведенного анализа кажется, что Шатов был набожным православным, который, подобно Достоевскому в молодости, верил в социализм, но затем в его уме произошел сдвиг мысли и он стал всё чаще и глубже задумываться над религиозными и философскими вопросами. На самом деле Шатов не верил в Бога. В этом диалоге не только Шатов допрашивал Ставрогина о вере, но и сам Ставрогин задавал Шатову вопросы подобного плана:

– «Я верую в Россию, я верую в её православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую... — залепетал в исступлении Шатов.

– А в бога? В бога?

– Я... я буду веровать в бога» [1, с. 200].

Шатов дал понять, что в будущем он, возможно, и уверует в Бога, но сейчас эта вера у него отсутствует. То, во что верил Шатов, было только церковной формой православия, приверженцами которой были славянофилы, сам же Шатов не обладал каким-либо уникальным религиозным опытом. Мало того, эти идеи были внушены ему Ставрогиным, который сам не был истинным последователем славянофильства. Шатов имел в себе не только божественное в понимании Достоевского, но и дьявольское начало. Он являлся славянофилом, но в его сознании не существовало веры в Бога, веры в бессмертие души.

Этим духовный случай Шатова похож на душевную трагедию Ивана Карамазова. Когда учение о вселенской церкви теряет представление о бессмертии, оно тут же превращается в теократию, а то и в легенду о «Великом инквизиторе».

2. Развитие дьявольского начала

Алексей Кириллов – ещё один известный духовный ученик Ставрогина. Как описывалось ранее, Николай Всеволодович представлял из себя единство божественного и дьявольского начал. Свои идеи о божественном он передал Шатову, а идеи о дьявольском начале – Кириллову. Однако, как и Шатову были присущи черты дьявольского, так и Кириллову – черты божественного начала. Каждый из них нес в себе единство божественного и дьявольского начал.

Степан Трофимович Верховенский отчетливо указал на это раздвоение личности Кириллова, сказав: «В одном только я затрудняюсь: вы хотите строить наш мост и в то же время объявляете, что стоите за принцип всеобщего разрушения. Не дадут вам строить наш мост!» [1, с. 78]. Кириллов, как инженер, безусловно, хотел, беря за основу свои профессиональные знания, принести благополучие всему человечеству и, к примеру, построить мост для людей. Но одновременно с этим он желал уничтожить всё – не только мост, но и весь род человеческий. Здесь мы ясно видим в нем слияние двух начал – божественного и дьявольского.

При первом появлении в «Бесах» Кириллов сказал Липутину, что защищал сестру капитана Лебядкина от избиения, и поссорился с ним. После, в разговоре Липутин сказал Степану Трофимовичу: «Алексей Нилыч даже нагайку вырвали–с, изломали и в окошко выбросили, и очень поссорились» [1, с. 79]. Кириллов пытался остановить Липутину, не хотел, чтобы он упоминал об этих вещах, не хотел показывать эту сторону себя другим. Но в любом случае становится ясно, что Кириллов определенно не законченный атеист или нигилист. Он человек благородного характера. Он подобен образу Иисуса Христа, ему присущи качества не только дьявольского, но и божественного начал.

В разговоре с Хроникером Кириллов объяснил свою идею «логического самоубийства»: «Есть два рода: те, которые убивают себя или с большой грусти, или со злости, или сумасшедшие, или там всё равно... те вдруг. Те мало о боли думают, а вдруг. А которые с рассудка — те много думают» [1, с. 93]. Он считает, что причиной самоубийства необязательно могут быть только разочарования в жизни, но и зачастую собственные религиозные и философские размышления. Эти самоубийцы часто являются скрытыми философами, которые, придерживаясь своих мировоззренческих убеждений, добровольно выбирают смерть. Кириллов считал себя таким философом. Причина самоубийства Кириллова очень похожа на то, что говорил Ипполит – герой романа «Идиот»: «Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен» [1, с. 93]. Ипполит совершил самоубийство из-за отрицания жизни, он считал, что жизнь отвратительна и приносит лишь страдания, что мир, в котором мы живем, окончательно испорчен, и чтобы покинуть этот мир следует застрелиться. Кириллов, хоть и мыслил более глубоко, чем Ипполит, но в точности повторял его выводы [Цит. по: 5].

Существует еще один момент, который дает нам еще большее понимание веры Кириллова. Кириллов купил резиновый мяч для укрепления здоровья. И нередко играл в мячик с детьми хозяина. Это еще раз показывало его добрый и благородный характер. И по этому поводу у Кириллова и Ставрогина состоялся диалог:

« – Вы любите детей?

– Люблю, – отозвался Кириллов довольно, впрочем, равнодушно.

– Стало быть, и жизнь любите?

– Да, люблю и жизнь, а что?

– Если решились застрелиться.

– Что же? Почему вместе? Жизнь особо, а то особо. Жизнь есть, а смерти нет совсем.

– Вы стали веровать в будущую вечную жизнь?

– Нет, не в будущую вечную, а в здешнюю вечную. Есть минуты, вы доходите до минут, и время вдруг останавливается и будет вечно [1, с. 187]».

В этом разговоре Кириллов ясно показал свое отношение к жизни и смерти. Он считал, что есть только жизнь, а смерти нет. Но вечная жизнь в представлении Кириллова представлена не в виде вечной жизни на небесах, как в церковном православии, а в виде вечной жизни на земле. Лев Толстой высказал подобную мысль в философском трактате «О жизни», где он также верил, что смерти нет и есть только жизнь, и что эта вечная жизнь не в царстве небесном, а в земном мире [Цит. по: 6].

Кириллов – трагическая фигура, но в нем также воплощалось благо христианской мысли. Ставрогин считал его веселым человеком. Кириллов думал, что счастье зависит не от материальных благ жизни, а от осознанности. Пока человек осознает, что он счастлив, он и будет счастливым человеком. Кириллов сказал: «Всё. Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив; только потому. Это всё, всё! Кто узнает, тотчас сейчас станет счастлив, сию минуту...» [1, с. 188]. Эта идея Кириллова была раскрыта более подробно и обстоятельно у старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы».

3. Соединение божественного и дьявольского начал

В истории православной мысли термин «богочеловек» появился давно и является частью церковного мировоззрения, а термин «человекобог» был предложен Достоевским в романе «Бесы», главным образом как термин русской религиозной философии. В романе «Бесы» богочеловек и человекобог кажутся диаметрально противоположными понятиями, богочеловек олицетворяет Иисуса Христа, а человекобог — это человек, желающий быть Богом, т.е. Антихрист. И этому есть доказательство в диалоге Ставрогина с Кирилловым:

« — Кто учил, того распяли.

— Он придет, и имя ему человекобог.

— Богочеловек?

— Человекобог, в этом разница.

— Уж не вы ли и лампадку зажигаете?

— Да, это я зажег.

— Уверовали?

— Старуха любит, чтобы лампадку... а ей сегодня некогда, — пробормотал Кириллов [1, с. 189]».

Здесь Ставрогин не понимал разницы между богочеловеком и человекобогом, путал эти понятия. Но Кириллов дал понять, что эти два понятия все-таки имеют различия. Можно

сказать, что богочеловек и человекобог только кажутся противоположными понятиями. Мы должны заметить, что Кириллов здесь не отрицал, что богочеловек Иисус Христос придет снова, но это будет уже не богочеловек, а человекобог, уже не Иисус Христос, а он сам. Здесь Кириллов пытался заменить богочеловека человекобогом, Иисуса Христа – самим собой, крест – самоубийством. Человекобог заменил богочеловека, но он по-прежнему выполнял ту же функцию, что и богочеловек, наследуя его великое дело – спасение человечества и мира. Так Ставрогин думал, что Кириллов начал верить в Бога. Кириллов хоть и не сказал это прямо, но не отрицал этого факта. То есть Кириллов заменил богочеловека человекобогом, а Иисуса Христа самим собой, и стал не Антихристом, а унаследовал великую историческую миссию Христа. И здесь мы понимаем, что он есть единство богочеловека и человекобога.

Шатов был тем героем, который имел более отчетливое видение божественного начала в Кириллове. Жена Шатова была оскорблена Ставрогиным и беременна от него, но Шатов и после этого продолжил любить свою жену, помогал ей найти акушерку и проявлял любовь к ребенку, отцом которого являлся Ставрогин. В это время Кириллов отказался от своей прежней вражды с Шатовым и активно помогал ему и его жене. Именно поэтому Шатов искренне сокрушался: «Если б... если б вы могли отказаться от ваших ужасных фантазий и бросить ваш атеистический бред... о, какой бы вы были человек, Кириллов!» [1, с. 436].

У Кириллова есть мысли не только о богочеловеке и человекобоге. Он не просто трагическая фигура, жаждущая самоубийства, но внутри него есть некое переживание. Это переживание очень похоже на эпилепсию, но является не только медицинским феноменом, а религиозно-философским. В этом таинственном переживании Кириллов чувствовал, что достиг некоего состояния всеединства. Он попытался дискурсивно это описать: «Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть [1, с. 450]». Этот таинственный опыт Кириллова фактически и способствовал его самоубийству. По мнению героя, это ощущение всеединства всего сущего не могло быть достигнуто у обычного человека, поэтому для достижения этих границ блаженства необходимо было застрелиться. Профессор Евлампиев указывает: «Для достижения еще большего совершенства, еще более глубокого преображения необходимо радикальное изменение самой природы человека, а это достижимо только в ином, более совершенном мире, в который человек может перейти после смерти, поэтому Кириллов и говорит, что нужно «перемениться физически или умереть» [7, с. 461]. Отсюда можно сделать вывод, что переживание кажущегося блаженства обострило душевную трагедию Кириллова.

Перед тем, как покончить с собой, у Кириллова состоялся диалог с Петром Верховенским. Он ещё раз выразил желание стать Богом. В этом разговоре Кириллов вел себя больше, как представитель дьявольского начала, нежели божественного. Но затем он снова выразил свою любовь к Иисусу Христу, и можно увидеть, что Кириллов от начала и до конца находился между двумя идеями божественного и дьявольского начал, сказав: «Если бог есть, то вся воля его, и из воли его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие» [1, с. 470].

Кириллов считался «бесом», но вовсе не был социалистом, и не согласен был иметь общие дела с Петром Верховенским. Он имел с ним исключительно взаимовыгодные отношения. Кириллов не одобрял деяния Петра Верховенского. Он считал, что человек, который убивает подобно Петру, обладает слабой волей, а самоубийство есть сильная воля, он сказал: «Убить другого будет самым низким пунктом моего своеволия, и в этом весь ты. Я

не ты: я хочу высший пункт и себя убью» [1, с. 470].

Петр Верховенский заметил, что Кириллов зажег лампаду и выразил своё любопытство. Он не понимал идеи Кириллова о богочеловеке и человекобоге и даже думал, что Кириллов делает это «на всякий случай». По мнению Петра, Алексей Кириллов зажег лампаду не потому, что верил в Бога, а потому, что боялся застрелиться и быть наказанным богом. Кириллов не такой поверхностный человек, как упоминалось ранее, он надеялся, что сможет заменить Бога, и взять на себя великую историческую миссию Иисуса Христа. Петр Верховенский сказал: «Знаете что, по-моему, вы веруете, пожалуй, еще больше попа» [1, с. 471].

Кириллов всячески демонстрировал, что не верит в существование бога и даже утверждал, что пытался заменить его. Но затем он сразу же показал, что Иисус Христос является величайшим человеком в мире, и весь мир существует для Иисуса Христа. Здесь Кириллов совершенно не противоречит себе, и именно в этом, как может показаться, противоречивом утверждении проявляется в нём единство божественного и дьявольского начал. Он сказал: «Слушай великую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: «Будешь сегодня со мною в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить [1, с. 471].

Эту идею, но уже полностью созревшую, Достоевский изложил в романе «Идиот». Более того, эта идея была выражена через Ипполита – героя, жаждущего самоубийства [Цит. по: 8]. Ипполит думал, что жизнь – это одни страдания, и что они разрушают не только его здоровье, но и Иисуса Христа, и он не может принять мир, созданный Богом, и видит выход только в самоубийстве. Так, он заявил: «Гораздо вернее сказать, хоть и странно, — в виде какой-нибудь громадной машины новейшего устройства, которая бессмысленно захватила, раздробила и поглотила в себя, глухо и бесчувственно, великое и бесценное существо – такое существо, которое одно стоило всей природы и всех законов её, всей земли, которая и создавалась-то, может быть, единственно для одного только появления этого существа!» [9, с. 339].

Кириллов даже рассказал о своих мыслях по спасению мира Петру Верховенскому: «И спасу. Только это одно спасет всех людей и в следующем же поколении переродит физически» [1, с. 472]. Он сказал, что боится смерти и боли, но вынужден застрелиться, чтобы спасти людей, и дабы следующее поколение смогло переродиться. Это своего рода крестная любовь богочеловека Иисуса Христа, исходя из этого можно увидеть, что Кириллов неизбежно считает себя истинным продолжением Его [Цит. по: 10].

Таким образом, Кириллов схож с другими героями романа, анализ которых мы провели выше, т.е. с Николаем Ставрогиным и Иваном Шатовым. Они все воплощают единство божественного и дьявольского начал, являясь одновременно и богочеловеками, и человекобогами. Диалектика антропологии Достоевского оказала огромное влияние на идею богочеловечества русской религиозной философии. До Достоевского богочеловек и человекобог были парой противоположных понятий, богочеловек олицетворял Иисуса Христа, а человекобог – Антихриста и, кроме борьбы, других отношений между ними не было. Но здесь, у Достоевского, мы видим, что единство богочеловека и человекобога, которое возможно. Собственное желание человека быть Богом означает не быть его противником, а наследовать дело и великую историческую миссию Иисуса Христа. Эта мысль была полностью раскрыта в знаменитом трактате Владимира Сергеевича Соловьева

«Чтения о Богочеловечестве» [11]. Человечество в философии Соловьева, может стать богочеловечеством, и именно через подобное великое богочеловечество Бог сможет осуществить свой замысел мировой истории. Эти богочеловеки – не Антихристы, а напротив, наследники великого дела Иисуса Христа. И всё это впервые было выражено в романе Достоевского «Бесы».

Литература

- 1 . *Достоевский Ф.М.* Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 10. Л., 1974. 516 с.
- 2 . *Шестов Л.И.* Достоевский и Ницше (философия трагедии) // Шестов Л. И. Собр. соч. В 2 т. Т. 1. Томск, Водолей, 1996. — С. 317-464.
- 3 . *Евлампиев И.И., Ли Тяньюнь.* Иван Карамазов в размышлениях С. Н. Булгакова: современная оценка героя и позиции критика // Вестник РХГА. 2021. № 2 (22). — С. 197-207.
- 4 . *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 14. Л., 1976. 508 с.
- 5 . *Ли Тяньюнь.* Будущее человечества в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева. СПб.: Издательство РХГА. 2022 — 244 с.
- 6 . *Толстой Л.Н.* О жизни // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 26. М., 1936. С. 313–442.
- 7 . *Евлампиев И.И.* Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб.: Изд. РХГА, 2012. — 585 с.
- 8 . *Ли Тяньюнь, Евлампиев И.И.* Проблема бессмертия и воскресения в романе Ф. Достоевского «Идиот» // Вестник РХГА. Вып. 1(22). 2021. 162-174.
- 9 . *Достоевский Ф.М.* Идиот // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 8. Л., 1973. 512 с.
- 10 . *Евлампиев И.И.* Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. — 600 с.
- 11 . *Соловьев Вл.С.* Чтения о богочеловечестве // Соловьев Вл. С. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. М., 1989. — С. 3-172.